

УССР
Київ
Молодежн. театр

15/III 88

Молодежн. театр
15 МАР. 1988

КОНФЛИКТ в мире искусства не редкость. Бывает так: талант восстает против серости, серость катит громящую бочку (или роет тихой сапой) против таланта, а поскольку талант часто простодушен, а серость хитроумна, то чья возьмет — как сказать.

Ну а если смотреть широко, то в принципе вся жизнь художника (настоящего, конечно) — это сплошной конфликт. Всегдашний, непрестанный, мучительный. С неподдающимся материалом. С косностью. И с самим собой. Вечные борения, вечные одоления.

Говорят, что самая «вредная» профессия в сфере искусств — у актеров. Все-то у них на эмоциях, на обнаженном нерве. Подумалось: может, из-за этого сыр-бор в Молодежном?

Тяжко читать это письмо. А писать его было, наверное, еще тяжелей. И писать, и подписывать.

«...Когда летом 1986 г. наш театр возглавил Л. С. Танюк, все мы восприняли его назначение как праздник. Человек высокообразованный, «из самой Москвы». Мы рассчитывали на современный уровень режиссуры, на бурный рост каждого из нас и театра в целом. Коллективу импонировала программа, которую объявил главный режиссер. Работа над спектаклем «Дитатура совести» началась в атмосфере энтузиазма. После четырех месяцев состоялась премьера. «Разогретый» коллектив жаждал дальнейшей работы. Однако планы начали произвольно перекраиваться. Намеченные к постановке пьесы почему-то заменялись другими. Почти год мы ожидали встречи с главным в новой работе, однако он вместе с главным художником театра В. И. Карашевским сконцентрировал свое время, энергию и фантазию на так называемых «Театральных вечерах». К февралю нынешнего года их состоялось уже 13 (!), но только первые три были сделаны с нами. Сейчас в «Театральных вечерах» от театра остались лишь помещение да имя человека, подписывающего афиши».

Письмо пространно, поэтому дальнейшее содержание его изложу кратко. После первых премьерных спектаклей «Диктатуры», — говорится в письме, — мы перестали видеть главного режиссера на представлениях: спектакли бесконтрольны, делаются случайные вводы на роли. Нет целеустремленной работы с актером, нет даже элементарных замечаний. Иногда, по команде, одни исполнители заменяются другими — без объяснений. Это унижает и обижает. О росте мастерства и думать нечего. Над многими нависает угроза профессиональной дисквалификации.

Заканчивается письмо словами: «В театре много наболевших проблем, решать же их мирным путем оказалось невозможным. Многие из нас уже поплакали. Ушли из театра В. Макаренко, Т. Криворученко, И. Ковалева. В. Сланко и О. Швец сняты с ролей. Просим внимательно разобраться в приведенных фактах и принять надлежащие меры».

И — 30 фамилий. А за каждой, кроме общего, что-то свое.

Среди подписавших письмо актер В. Сланко. В чем его — именно его — претензии к главному режиссеру? Из заявления В. Сланко в вышестоящую инстанцию: «Я был назначен на одну из ролей в спектакле по пьесе М. Кулиша «Мина Мазайло». Приказ был вывешен на доске. Но после профсобраний, где я отрицательно отозвался о деятельности главного режиссера, я был снят с роли безо всяких объяснений и без единой репетиции».

Таких персональных обид поднакопилось много. Они-то и сконцентрировались в письме тридцати в адрес Министерства культуры УССР.

ОТКРОВЕННО говоря, подобные письма в инстанции (да

рядовым со стороны руководителя. Что было делать в такой ситуации? Обратились к родному Министерству культуры.

Между тем в ящиках министерских столов уже были письма, касающиеся Молодежного. Вот одно из них, автор — сотрудник Киевского мединститута, кандидат медицинских наук И. А. Парпалей. Адресовано отделу театров. Цитирую:

«Я давнишний почитатель Молодежного. С восторгом принял «Сирано де Бержерака», «Маленькую футбольную команду», «За двома зайцями». Был инициатором встречи актеров театра со своими студентами, и та встреча надолго запомнилась. Но в последнее время в театре происходят странные вещи. Я, конечно, не критик и, может, чего-то не понимаю,

процесс театра, возобновить деятельность художественного совета (перечисляются фамилии членов совета — авт.) и перестать чинить препоны главному режиссеру Л. С. Танюку».

Отдадим должное осведомленности львовских геофизиков в таких внутритеатральных подробностях, как состав худсовета. Что же касается критической стрелы, пушенной в адрес республиканского Министерства культуры и главного управления культуры Киевского горисполкома, то она по делу. Только не за то надо критиковать министерство и управление, что они решили заняться болячками подведомственного театра вплотную! А за

не стало любопытствовать насчет подробностей его работы в Москве. И, как оказалось, напрасно. Теперь вот пришлось поинтересоваться. Задним числом. И что же?

Перед нами протокол № 10 заседания партбюро Московского драматического театра имени А. С. Пушкина от 15 июня 1985 г. Повестка: работа с кадрами. На заседании был приглашен режиссер театра Л. С. Танюк, беспартийный. Вел заседание секретарь партбюро А. В. Чернов. Из протокола:

А. ЧЕРНОВ: Держать в театре режиссера, который ничего не делает, это, мягко говоря, бесхозяйственно. Мы хотели бы знать вашу позицию.

Л. ТАНИЮК: Мои права как режиссера ущемляются.

ВОПРОС ЧЛЕНА ПАРТБЮРО: Сколько вы поставили спектаклей за 8 лет работы в театре имени А. С. Пушкина?

ОТВЕТ: 4 спектакля.

А. ЧЕРНОВ: За последние 4 года Л. С. Танюком не поставлено ни одного спектакля. Причиной тому его постоянное конфликтное состояние со многими членами труппы, о чем говорят протоколы заседаний художественных советов разных лет.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БЮРО:

«В течение последних лет режиссер Л. С. Танюк не внес ни одного предложения по своей дальнейшей работе, ни разу не ставил никаких вопросов и предложений перед художественным и административным руководством театра, общественными организациями и фактически поставил себя вне коллектива. Дальнейшее пребывание т. Танюка в театре причинит творческий и моральный урон, противоречит мнению трудового коллектива».

Партбюро единогласно сочло недопустимым дальнейшее пребывание режиссера Л. С. Танюка в штате театра.

В КИЕВЕ от него ожидали многого. В его таланте и способностях не сомневались. Он пришел в Молодежный с идеей интеллектуального театра, и провозглашенная им программа произвела впечатление. И вот прошло без малого два года. За это время он поставил всего два спектакля. Последний из них готовили «к дате», страшно торопились. Результат плачевный: зритель не пошел.

Климат в театре хуже некуда. Уходят люди. Склоки, свары. Театр трещит по швам.

Выступая на I съезде Союза театральных деятелей Украины, Л. С. Танюк остерегал коллег: «Мы ничего не перестроим в театре, если не перестроимся сами. Если речь у нас будет идти только о постановке спектаклей, а не о постановке человека в театре. Если мы будем забывать, что человек этот начинается из его совести. Если не привыкнем называть черное — черным, а белое — белым. Если будем давать безвкусицу за сценические шедевры, общественное и политическое равнодушие — за государственную зрелость мышления, а бурную симуляцию деятельности — за деятельность».

Как жаль, что этих слов не услышал он сам.

А. ПОВНИЦА.
Заведующий отделом литературы и искусства.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Что происходит в киевском Молодежном театре?

Под письмом — тридцать фамилий. 23 актера (почти половина труппы), зав. литчастью, зав. труппой, концертмейстер, пом. режиссера, инженер-радист и два костюмера предъявили суровый счет своему главному режиссеру Л. С. Танюку. Вот некоторые из характе-

ристики: «авторитарный стиль руководства», «оторванность слова от дела», «желание выдать несуществующее за действительное», «работа на себя». Вывод: «По нашему мнению, Л. С. Танюк утратил свой художественный и чисто человеческий авторитет».

еще нередко сразу в две-три, а то и больше) производят не очень-то симпатичное впечатление. Неужели, думаешь, милые граждане, вы не в состоянии самостоятельно разобраться в своих проблемах и неурядицах? Почему обязательно надо озвучивать вышестоящим?

Но в случае с Молодежным не так. Сначала коллектив действительно пытался воздействовать на своего главного собственными силами. 21 января с. г. в театре состоялось общее профсоборание по итогам работы в минувшем году. Многие резко критиковали главрежа. В частности, заслуженный артист УССР В. Шептекич говорил: «Вы потеряли связь с коллективом. Вы уделяете основное внимание своей деятельности вне театра. Лучше бы вы заботились о нем, а не хлопотали вокруг гостей «Театральных вечеров».

Это говорилось не тишком, не за кулисами. Громко, при всем народе.

ИЗ ПРОТОКОЛА СОБРАНИЯ: «Собрание отмечает спад уровня художественного руководства творческим коллективом. За 1987 г. выпущено всего 3 спектакля. На неудовлетворительном уровне загружен творческий состав. До настоящего времени нет перспективного планирования репертуара, не контролируется состояние текущего. Репертуар, утвержденный на 1988 г., не обсуждался в коллективе. В работе художественного совета отсутствуют принципиальность и гласность».

Одним словом, была острая критика, было деловое постановление. А вскоре последовали санкции к расхрабренным

но чувствую: пропадает единение между актерами и зрителями. В спектаклях все меньше и меньше истинной культуры. Мне, рядовому зрителю, стало как-то неинтересно в Молодежном. Готов извиниться перед театром, если я не прав, но и носить свою боль больше не в силах».

Болячки становились язвами. Требовалось вмешательство. Какое — «терапевтическое» или «хирургическое»? В Министерстве культуры УССР и главном управлении культуры Киевского горисполкома решили прибегнуть к помощи представительного консилиума. В комиссию, образованную по согласованию с Укрсовпрофом, вошли главные режиссеры двух драматических театров, актер, два известных театральных критика (один из которых является секретарем Союза театральных деятелей Украины), ответственные работники министерства и городского управления.

О том, как оказалось непросто разобраться с «делом Молодежного», можно судить по такому факту. Не успела комиссия собраться, как в официальные инстанции стали поступать заявления с ультимативными требованиями оградить Л. С. Танюка от разбирательств. В письме инженера-геофизика М. О. Голярука и его 12 коллег (Львовская обл.) в первых же строках решительный вывод: «Сегодня символом перестройки на ниве культуры стал КМТ под руководством Л. С. Танюка». Символом — и не меньше! Письмо заканчивается призывом: «Прекратить вмешательство в творческий

то, что раньше не занимались. Болячки-то не с неба упали!»

ЛЕОНИД (Лесь) Степанович Танюк в искусстве не первый год. После окончания режиссерского факультета культпросветтехникума был актером Волынского облдрамтеатра. Потом — учеба в Киевском театральном институте, диплом с отличием. Работал в Киеве (создал экспериментальный молодежный театр при горкоме комсомола), в театрах Львова, Харькова, Москвы.

В Москве — два десятилетия. Сделал постановку в МХАТе. Работал на ЦТ. В Центральном детском театре поставил «Сказки Пушкина» в собственной инсценировке; они уже показаны более 700 раз. В театре имени Моссовета поставил «Вдову полковника» по пьесе Ю. Смуула с Верой Марейкой в главной роли. Дальше — четыре года в театре имени Станиславского и восемь лет в драматическом театре имени Пушкина.

Когда его «сватали» в киевский Молодежный, человек он был уже в летах — к 50-ти. А сватали его на роль, в которой ему еще не приходилось бывать. Излишне пояснять, что «главный режиссер» и «режиссер-постановщик» — это совершенно разные профессии. Главреж — это главный конструктор и главный идеолог, это разум и душа творческого коллектива.

Благословляя Л. С. Танюка на главного, управление культуры Киевского горисполкома